

Кристалинский Леонид Борисович

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ ПОГРАНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

В статье в ретроспективном плане рассматривается политическая практика реализации интересов государственной безопасности в пограничном пространстве присоединённых к России Поволжья и Сибири. Внимание акцентируется на учёте полиэтничности приграничья как факторе принятия политических решений и формирования специфических методов управления указанными территориями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 108-113. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

TRADITIONALISM AS THE CENTRAL THEME OF THE RUSSIAN IDEAS ABOUT THE BASHKIR CULTURE

Krivoshlykova Marina Vladimirovna

Nosov Magnitogorsk State Technical University

krivoshlykovamv@mail.ru

In the article the peculiarities of the formation of consolidated ideas about Bashkiria and the Bashkirs created in the Russian culture by means of artistic-journalistic discourse are considered. The author proves that the important mechanism of images formation is stereotypes and simplified schemes, which should emphasize the traditionality of the Bashkir culture, the contrast of the value purposes, traditions and customs of two cultures.

Key words and phrases: intercultural communication; the Bashkir culture; traditionalism; “one’s own” – “somebody else’s”; perception; image; stereotype.

УДК 323

Политология

В статье в ретроспективном плане рассматривается политическая практика реализации интересов государственной безопасности в пограничном пространстве присоединённых к России Поволжья и Сибири. Внимание акцентируется на учёте полиэтничности приграничья как факторе принятия политических решений и формирования специфических методов управления указанными территориями.

Ключевые слова и фразы: этнополитика; пограничное пространство; государственная безопасность; угрозы безопасности; полиэтничность; этнополитический фактор.

Кристаллинский Леонид Борисович, к. полит. н., доцент

Национальный институт бизнеса, г. Москва

kris-leon@hotmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ ПОГРАНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ©

Обращение автора к теме, вынесенной в заголовок, обусловлено необходимостью выявления специфики реализации интересов государственной безопасности в условиях полиэтничности приграничья и возможностей учёта соответствующего исторического опыта. Безусловно, объём статьи не позволяет обобщить всю соответствующую политическую практику, что предполагает рассмотрение лишь её отдельных, но показательных для подготовки выводов примеров.

Необходимо уточнить, что понимание и самого пограничного пространства, и государственной безопасности в отечественной истории многократно трансформировалось. Нередко и часто кардинально модифицировались количественные (площадь, протяжённость, количество административно-территориальных образований у границы и др.) и качественные (степень полиэтничности, соотношение численности представителей тех или иных национальностей, перечень титульных этносов приграничных регионов, распространённость религиозных предпочтений и др.) характеристики политики приграничья. Практически каждая война, а также последствия экономической экспансии России и масштабные политические процессы невоенного характера меняли конфигурацию и содержательные параметры приграничных территорий.

С изменением особенностей порубежья неизбежно трансформировалась и политическая практика реализации в нём интересов государственной безопасности. Представители исторической науки небезосновательно отмечают: «Рассматривая в целом историю эволюции идей и понятий, связанных с государственной безопасностью в России эпохи Средневековья и раннего Нового времени, нетрудно заметить, что этот процесс шёл в тесной взаимосвязи с изменениями представлений о государстве и власти» [4, с. 95]. Следовательно, современное содержание понятия «государственная безопасность» претерпело существенные изменения в сравнении с его пониманием на различных этапах российской истории.

Вместе с тем вне зависимости от исторического периода государственная безопасность проявляется как свойство сохранения в неизменном виде основополагающих принципов существования политического строя при любых внешних и внутренних негативных воздействиях на него. При этом государственная безопасность обеспечивает возможность развития страны, совершенствования её системы управления, прогресс в социальной, экономической, культурной, военной и др. сферах, отражающих самостоятельность страны как геополитического субъекта.

История России позволяет предположить, что одним из эффективных механизмов защиты от внешних угроз стали политическая, экономическая, территориальная и др. виды экспансии. Автор считает, что сама

возможность реализации экспансионных устремлений, ставших «стержнем» российской геополитики имперского периода, во многом наполняла содержание государственной безопасности.

Несмотря на периодические военные неудачи, политические кризисы и экономические спады, результирующий вектор строительства России как мировой державы сохранялся. В этой связи довольно точно определяет базисные установления данного процесса исследователь И. В. Радиков: «Цели – конкретные стратегии государства могут меняться, но государство должно быть в состоянии их ставить и достигать, что предполагает обладание военной силой, внутреннюю и внешнюю устойчивость, экономическую конкурентоспособность» [12, с. 341]. Нарращивание потенциала этих фундаментальных для развития российского государства составляющих детерминировало необходимость расширения территории страны.

В свою очередь, масштабные пространственные приобретения становились источниками угроз внутриполитической стабильности. Деструктивным фактором часто выступали противоречия в среде становящегося всё более многонациональным российским населением. В указанном аспекте максимальным негативным потенциалом обладали именно окраинные (расположенные на границах державы) земли, что в рамках историко-политологического анализа закономерно заставляет рассматривать приграничье с точки зрения противодействия в нём деструктивному воздействию внешних и внутренних этнополитических факторов, препятствующих устойчивому развитию страны.

По мнению автора, анализ отечественного опыта учёта национальной специфики приграничья в государственном управлении следует начать с конца XV – начала XVI в., когда произошли события, впервые значительно изменившие национальный состав России. Этот же исторический этап выделяют эксперты, говоря об исследовании особенностей формирования и развития системы обеспечения национальной безопасности: «Именно в тот период были заложены основы внутренней и внешней политики российского государства, которые повлияли на основные черты и тенденции ее дальнейшего развития» [2, с. 81].

Осенью 1480 г. Золотая Орда окончательно утратила своё господство над русскими землями. И уже во время правления Ивана III (1462-1505 гг.) начало формироваться Русское унитарное суверенное государство. Московское великое княжество присоединяет Ярославские и Новгородские земли, его население пополняют мордва, карелы, коми и др. финно-угорские народы. Данный факт закрепляет правомочность определения российского государства как полиэтничного образования.

В начале XVI в. проявляется необходимость дальнейшего всестороннего развития страны. Историки и политологи отмечают, что в этот период наметились стремления к территориальной экспансии. Её закономерной причиной являлось невыгодное геополитическое положение России, что выражалось в открытости её границ, оторванности от морей, непродолжительностью пригодного для сельскохозяйственной деятельности времени года и «громадными неосвоенными территориями, обуславливающими экстенсивность сельскохозяйственного производства, что в свою очередь постоянно требовало приращения территорий» [3, с. 41].

Факторы, препятствующие развитию державы, по своему негативному значению становятся близки угрозам государственной безопасности. Наибольший ущерб способны были нанести агрессивные действия сопредельных государств. Страна находилась в окружении иноэтничных и, как правило, недружественных «соседей». Причём диапазон их враждебных устремлений, согласно экспертному мнению, включал действия и помыслы: «от разбойничьих набегов до территориальных и суверенно-политических претензий» [1, с. 31] их правителей.

К середине XVI в. возникла необходимость оградить Московское государство от посягательств враждебных «осколков» распавшейся Золотой Орды. Возможность искоренения этих угроз Иван IV видел в нанесении упреждающих ударов по потенциально опасным «соседам». В 1552 г. русские войска взяли г. Казань, а Казанское ханство было присоединено к Московскому государству. Спустя 4 года в состав России вошло и Астраханское ханство.

Однако разрешение проблемы путём устранения субъекта-носителя внешней угрозы трансформировало её во внутривнутриполитическую сферу, что выразилось, например, в многочисленных восстаниях иноэтничного населения в присоединённых землях. Это стало своеобразной платой за укрепление внешней безопасности стремительно развивающейся российской государственности.

Сами же восстания как в рассматриваемых в данной работе Поволжье и Сибири, так и в других «национальных окраинах» жестоко подавлялись. Соответствующих примеров в период активной территориальной экспансии России множество. Вот лишь некоторые из них в подтверждение данного тезиса:

- казаки, усмирявшие восставших астраханских татар, взыв город, изгнали из него всё местное население;
- в середине XVII в. отрядом казаков С. Дежнёва у р. Анадырь поголовно истреблено небольшое племя анаулов «за выказанное ими коварство», как написал спустя два века исследователь А. И. Манькин-Невструев [8, с. 18];
- крайне жёстко по отношению к местному населению действовали казаки Е. П. Хабарова. П. А. Слопцов в «Историческом обозрении Сибири» приводит примечательный разговор одного из вождей даурских племён Лавкая и Е. П. Хабарова. Последний, представляясь Лавкаю, сказал, что является посланником московского царя к даурам с предложением взамен на защиту от врагов и спокойную жизнь принять мирно российское подданство и платить ясак. В ответ Е. П. Хабарова услышал от вождя следующее: «Знаю Вас казаков, вы пришли не для торгова, а для грабежа, для умерщвления нас, для пленения наших жён и детей, – пишет П. А. Слопцов, который далее с огорчением констатирует, – слова даурского родоначальника жёстки, но, к сожалению, оправданы поведением Хабарова» [15, с. 84];
- полностью уничтожено на одном из Алеутских островов местное население (алеуты), чтобы «не подвергнуться опасности внезапного нападения». Именно такой замысел был реализован отрядом под командованием казака В. Шишова, сошедшим летом 1761 г. с судна «Св. Иоанн Устюжский» на о-в Кыска и др.

По мнению автора, по масштабу и геополитическому значению присоединённые поволжские земли правомочно рассматривать как первые пограничные пространства России, коренными жителями которых не являлись потомки славянских племён. Обретение отличных по национальному составу, но политически подвластных порубежных территорий позволяло «вчерашней Московии» осуществлять колонизационные устремления по освоению огромных относительно малозаселённых земель восточнее р. Волги.

Приращение территории обуславливало необходимость её административного обустройства и обеспечения реализации в её пределах власти московского царя. Автор считает, что вторая половина XVI в. в политической практике управления Россией может рассматриваться в аспекте формирования новых подходов к «обращению» с «качественно» иными подданными, населявшими важное геостратегическое пространство в расширившемся приграничье.

Возникшая ситуация обусловила создание совершенно новых органов управления военного типа. Полномочия этих административных структур, возглавлявшихся двумя воеводами, распространялись на осуществление государственной власти от имени царя и подавление восстаний местного населения. Однако, как уточняет исследователь И. П. Ермолаев, военный орган управления приобретал постепенно и черты гражданской власти. Его кураторство в Москве поручалось изначально отдельным лицам. Данный подход сменился формированием специально организованной «Казанской избы» – органа государственного управления, преобразованного к концу XVI в. в Приказ Казанского дворца, который ведал всем присоединённым Поволжьем [5, с. 38-62].

Следует обратить внимание, что Иван IV понимал сложности «вливания» в состав подданных культурно чуждых жителей Поволжья, но умел извлечь пользу и из межнациональных противоречий. Например, в Казанском походе он, используя недовольство некоторых народностей Поволжья казанским ханом, подкупил черемисов. Последние «всю осаду Казани снабжали русских нужной информацией, а после взятия Казани добровольно пошли в российское подданство» [14, с. 297].

Позже межэтническая вражда местных племён была искусно учтена и при завоевании сибирских земель у реки Обь. Историк С. В. Вахрушин, описывая эти события, констатировал, что при содействии обдорских и казымских остяков власть московского государя была распространена на самоедь. Остяцкие княжеские роды не истреблялись и продолжали управление своими землями под контролем российской администрации. Те из них, кто помогал покорять соседние племена, сохраняли некоторое время большую автономию [11, с. 31]. Подобный способ распространения российского владычества на присоединяемые земли политолог В. И. Якунин метко назвал «мягким»: «Мягкий вариант русского приращения территории сохранял даже региональное автохтонное управление» [17, с. 31].

Однако приведённые примеры – лишь частное проявление вырабатывавшихся веками приёмов достижения военно-политических целей. Государственная же задача России состояла в создании системы эффективного управления приграничными регионами с иноэтничным населением: такой системы, которая могла бы успешно противостоять любым посягательствам на государственную безопасность.

В этой связи трудно не согласиться с экспертным мнением, констатирующим, что в период создания новой системы управления правительству приходилось «искать формы, которые были бы пригодны для разнородного населения при отсутствии значительной русской прослойки. Кроме того, нужно было учитывать и пограничное положение вновь присоединённого и осваиваемого путем колонизации Поволжья...» [10, с. 128].

Относительно первого «иностранного» приграничного региона, каковым в данной работе рассматриваются приволжские земли, следует отметить, что в связи с активной территориальной экспансией российского государства не всё Поволжье долго оставалось пространством, в отношении которого приемлемо определение «пограничное». Однако первые иноэтничные приграничные территории становились, как отмечают эксперты, «тем краем, где определялись многие стороны политики в отношении народов, включённых в состав России, превратившейся в многоэтническое государство» [3, с. 70].

Организация российского управления на каждой из вновь присоединяемых территорий имела особые черты, учитывающие местные этнополитические факторы. Общее неизменно состояло в направленности предпринимаемых государством усилий на нейтрализацию угроз безопасности и распространение принципов российского политического устройства в новых землях. Однако это – «особый набор принципов». Он не был эквивалентен в полной мере уже сложившемуся порядку управления российским государством и особым образом адаптировался к каждой из приобретаемых к державе территорий.

Вполне естественно, что изначально опыт формирования административно-политической системы государственного управления в «новых» регионах нельзя было назвать достаточным. Данный факт обусловил образование весьма жёстких технологий реализации экспансионных устремлений России. Политическая практика описываемых лет характеризовалась экстремистскими по современному пониманию методами. Её содержание наполняли агрессивные действия, радикальные решения, откровенно военные способы реализации целей всех участников взаимоотношений.

Вместе с тем нельзя рассматривать случаи силового решения этнополитических проблем только как приверженность им исключительно российского государства. Автор полностью согласен с позицией в данном вопросе философа В. В. Колотуши, который в контексте анализа общественного прогресса, утверждает: «Доиндустриальный этап развития цивилизации был этапом господства насильственного силового принуждения как основного способа политического управления...» [7, с. 94].

Небезосновательно эксперты констатируют, что при определённых условиях необходимость экономии ресурсов власти подталкивала государство на «сотрудничество с местной правящей нерусской элитой, использование традиционных для вошедших в состав Московского государства этносов и племён способов

управления и подчинения верховной власти» [1, с. 39]. Предметом российской этнополитики в новом пограничном пространстве были и средние слои местного населения. Например, в Поволжье часть их была возвышена до статуса «служилых людей», которые даже получали поместья. Тем самым была создана лояльная к власти русского царя местная этносоциальная группа.

Примечательно, что определённая часть «инородцев» была вовлечена в процесс российской экспансии. Так, в исторической летописи «Описание новья земли, сиречь Сибирского царства» упоминается, что атаман Ермак «вверх по великой реке Каме поиде судами з дружиною своею храброю с иноверцами некрещеными людми, с подданными прежняго взятого Казанского царя Симеона, с Черемисою, Мордвою, Вотяками, Башкирцами...» [Цит. по: 16, с. 58-59]. В последующем народы, обретшие подданство Российской империи, активно привлекались к деятельности различных институтов державы. Их представители принимались на государственную службу, переводились в казачье сословие, участвовали в военных кампаниях. Примеров – множество: по границе с Китаем в первой половине XVIII в. были учреждены 3 казачьих полка из тунгусов и селенгинских бурят [15, с. 381], башкирские подразделения русской армии участвовали в Отечественной войне 1812 г., а Терско-Горский, Кабардино-Кумыкский и Чеченский иррегулярные полки – в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и др.

Значительная роль в приведении к подчинению «инородческого» населения российского приграничья отводилась религиозным отношениям. Уже после завоевания Поволжья вопросы конфессиональных предпочтений нельзя было игнорировать. На это указывает и историк И. Н. Данилевский: «Иван IV внёс в этническую монотонность новые цвета. Бывшие татарские ханства существенно увеличивают долю нерусского населения в составе царства; усложняется и конфессиональная жизнь. Именно с этого периода центральная власть впервые столкнулась с необходимостью учитывать в своей политике этноконфессиональные факторы» [Цит. по: 1, с. 38].

Первоначально доминировало стремление обратить новых соотечественников в православие. Данный тезис подтверждается, например, стремлением государства после завоевания Поволжья осуществить попытку насильственной христианизации населения. Основной вектор данного процесса был направлен на татарскую элиту. Её представители вывозились в Москву, где нередко принуждались к принятию православия.

Следует также отметить, что и в последующем Церковь, проявляя государственный подход и реализуя установки расширения православия на присоединяемых к России пограничных пространствах, активно работала с иноэтничным коренным населением. Например, в отношении периода завоевания Сибири историк П. А. Словцов подчёркивал: «Заселение Сибири равномерно совершалось и в христианском разуме, чрез сооружение часовень, церквей, монастырей и соборных храмов» [15, с. 58].

Однако нельзя утверждать, что христианизация аборигенного населения присоединяемых к России территорий была всегда успешна. Незначительными были результаты приобщения к православию мусульман, оказавшихся под властью российского государя, а также попытки распространить христианство на сопредельные китайские земли. Единоверие, таким образом, должно было выступать позитивным фактором в вопросах установления не только отношений согражданства с исконным населением вновь присоединяемых к империи территорий, но и уменьшать противоречия с сопредельными государствами. И в том, и в другом случаях деструктивный для государственной безопасности потенциал иноэтничных земель должен был существенно снижаться. Однако необходимо признать, что религиозным традициям Китая, «утверждённым тысячами времён и миллионами отживших поколений», российская конфессиональная политика была не в состоянии противопоставить более убедительные духовные ценности.

Но даже не добившись цели обращения всего приграничного «инородческого» населения в православие, правительство старалось учитывать конфессиональные предпочтения как коренных жителей «национальных окраин», так и других подданных Российской империи: например, в реализации миграционной политики. Так, в 1806 г. вышло «Положение для поселения в Сибири». В этом документе была предпринята одна из первых попыток упорядочить распределение в сибирских землях прибывающих переселенцев с учётом их религиозной принадлежности. Исследователь В. В. Кирьяков отмечал, что в соответствии с указанным документом «поселенцы католического и лютеранского вероисповедания должны были быть распределяемы в селениях, “по возможности обособленных для каждого вероисповедания”» [6, с. 54].

Вместе с тем необходимо признать, что в основе всех мероприятий российской власти в церковной сфере лежало признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Говоря о важности данного процесса, историк П. А. Словцов отмечал, что «никакая сила, никакая политика не сдружает и не единит племён земных, как единоверие» [15, с. 163].

Следует принимать во внимание, что экспансионные устремления России, часто не противоречили, но соответствовали интересам населения присоединяемых земель. Это следует из обобщения многочисленных примеров отношений зависимости, которые в той или иной форме складывались между российским государством и колонизируемыми им территориями по взаимному согласию. Вот лишь несколько из них:

- летом 1551 г. добровольно присоединилась к Московскому государству Горная сторона Казанского ханства (правобережная сторона Волги), населённая черемисами (марийцами);
- в 1554-1556 гг. приняты «по челобитью» в русское подданство тамьяне, юрматы, бурзяне, кипчаки, западные и северные башкиры;
- в ноябре 1552 г. к Ивану IV прибыло посольство племён адыгов (князя Машук, Кануков, Танашук, Езбозлуков) с просьбой о присоединении их к Московскому государству;
- в 1556 г. вместе с большинством ногайцев добровольно вступил в русское подданство хан Большой ногайской орды Исмаил;
- в 1587 г. Кабарда добровольно вступила в вассальные отношения с Россией;

- в феврале 1608 г. делегация ойратов (калмыков) просила В. Шуйского (бывшего в то время русским царём) принять соплеменников в российское подданство;
- в 1638 г. царь Мингрелии Леон направил к царю Михаилу Федоровичу грамоту о желании грузин перейти в подданство России;
- в 1724 г. армянские патриархи Исай и Нерсес обратились с просьбой к Петру I принять армянский народ под покровительство России;
- в 1749-1752 гг. осетинское посольство обращалось с просьбой о принятии Осетии в Российское подданство;
- в 1911-1913 гг. тувинская элита неоднократно обращалась к России с просьбами о принятии страны под покровительство империи и др.

Как правило, именно заинтересованность в ослаблении военного, политического, религиозного гнёта со стороны более могучих «соседей» заставляла национальных лидеров притесняемых народов обращаться за покровительством к России. Так, в составе российской державы оказались не только относительно небольшие упомянутые выше территории Поволжья, Урала, Сибири, Северного Кавказа, но и Украина, Грузия, Армения и др.

Приумножая экспансией свои военные, политические, экономические, демографические и др. ресурсы, необходимые для поступательного развития, российское государство не препятствовало (а чаще содействовало) всестороннему прогрессу коренных этносов. Данный тезис на первый взгляд противоречит упоминавшейся жестокости в покорении народов присоединяемых к империи территорий. Однако речь идёт о преобладающей тенденции. Не случайно Ф. Энгельс в письме к К. Марксу 23 мая 1851 г. написал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...» [9, с. 241].

В контексте реализации интересов государственной безопасности в порубежье заслуживают внимания и цели российского правительства в демографической сфере. Закрепление российской власти во вновь образующихся приграничных регионах требовало увеличения доли русских жителей. Масштабы миграционного процесса, как следует из анализа русского переселенческого движения, неуклонно наращивались. Необходимо признать, что в миграции русских в Сибирь, помимо государственной целесообразности, существенную роль играла и личная заинтересованность переселенцев.

Примечательно, что определённый риск в колонизируемых землях представляла широкомасштабная принудительная миграция неблагонадёжных в политическом отношении граждан (в значительной мере – ссыльные преступники). Осознавая негативный потенциал данного контингента, правительство старалось максимально снизить возможный ущерб от него государственной безопасности в пограничном пространстве. Установки самодержавной власти в данной сфере иллюстрирует вышедший в 1799 г. указ «О заселении земель между Байкалом, рекою Верхнею Ангарою, Нерчинском и Кяхтою отставными солдатами, ссыльными и помещичьими крепостными людьми, отдаваемыми в зачет рекрутов». В нём предусматривался план расселения. Как обращал внимание историк В. В. Кирьяков, «государственных поселян (добровольно поселяющиеся в Сибири отставные солдаты) повелевалось расселять ближе к границе, а ссыльных – внутри края» [6, с. 52].

Подобное стремление «очистить» порубежье от «потенциально опасных граждан» наблюдалось и в отношении отдельных этнических групп. Так, не допуская предпосылок к созданию малонадёжной в политическом отношении нерусской диаспоры, российское государство с 1881 г. ограничило возможность заселения приграничных с Китаем территорий в Приморской области «иностранцами». Речь шла о маньчжурах, китайцах, корейцах.

Аналогичные мнения на рубеже XIX-XX вв. существовали и в отношении забайкальских бурят. Указанный этнос также считался политически неблагонадёжным, что обуславливало нежелательность его присутствия в пограничном пространстве. В историческом труде «Сибирь в составе Российской империи» отмечено, что «в высших правительственных сферах возникла идея массового переселения во внутренние губернии империи забайкальских бурят, которые в назревающей войне с Японией рассматривались как потенциальные союзники “желтой расы”» [13, с. 221].

Заботясь о незыблемости политического строя, российское государство стало уделять большое внимание полиэтнической специфике приграничья преимущественно с XVIII в., что выразилось в создании специально уполномоченных органов, а также в принятии и реализации системных управленческих решений. Так, в 1763 г. Екатериной II был издан манифест, в соответствии с которым предписывалось переписать «инородцев» в Сибири, для определения их числа и последующего внесения в окладные книги.

Заметный след в нормативном совершенствовании межэтнических отношений оставил вышедший в 1822 г. «Устав об управлении инородцев», входивший в состав «Учреждения для управления сибирских губерний». Этот документ выделил нерусское население в отдельную группу и установил систему отношений государства с «инородцами» по «всем отраслям управления». В основу был положен принцип абсолютного подчинения коренных жителей Сибири полицейской власти в лице земского заседателя.

Таким образом, исследование процесса образования Российской империи позволяет считать, что интересы государственной безопасности в течение всей истории державы испытывали воздействие широкого спектра факторов, среди которых отличались особой весомостью обстоятельства, вызванные полиэтничностью пограничного пространства. В силу же специфики расширения державы каждый регион, который приобщался к её территории, становился «иноэтничным» порубежьем. Оно заслонило «историческую национальную территорию» от внешних посягательств, но само во многом стало источником внутренних угроз государственной безопасности, которые базировались на протестном потенциале коренного населения.

В интересах снижения деструктивного потенциала «национальных окраин» государством были выработаны относительно эффективные механизмы управления «инородческими территориями». Их можно условно выделить в две группы: репрессивно-принудительные и этноинтеграционные.

К репрессивно-принудительным способам управления иноэтничными приграничными территориями следует отнести: формирование органов государственного управления военного типа; решительное и жёсткое подавление восстаний коренного населения; ограничение возможности заселения порубежья определёнными группами мигрантов и некоторыми этносами; нормативное закрепление жёсткой системы подчинения «инородцев» территориальной администрации и др.

В качестве этноинтеграционных методов противодействия деструктивному потенциалу «национальных окраин» практиковалась постепенная ненасильственная интеграция коренного населения в государственную систему: поощрение миграции русскоязычного населения на приобщённые территории; распространение православной религии среди «инородческого населения»; стимулирование этнических элит на сотрудничество с российской администрацией; привлечение «инородцев» к участию в деятельности различных институтов державы; использование потенциала коренного населения присоединённых к империи земель в интересах дальнейшей территориальной экспансии России; сохранение на отдельных землях, присоединённых к империи, местной устоявшейся политической практики управления и др.

Можно констатировать, что во многом государственная политика России в отношении аборигенного населения присоединяемых к державе земель была эквивалентна политике других мировых держав. Однако, в отличие от их колониальной практики, спустя несколько десятилетий после приобщения новых земель к империи, говоря словами сибирского летописца П. А. Словцова, «и русские, и племена подвластные начинали считать себя принадлежащими к одной великой семье» [15, с. 108].

Список литературы

1. **Административно-территориальное устройство России. История и современность** / отв. ред. А. В. Пыжиков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
2. **Буркин А. И., Возжеников А. В., Синеок Н. В.** Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. Изд-е 2-е, доп. М.: Изд-во РАГС, 2008.
3. **Власть и реформы. От самодержавной к Советской России** / отв. ред. А. А. Ананьич. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Экслибрис, 2006.
4. **Государственная безопасность России: история и современность** / под общ. ред. Р. Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2004.
5. **Ермолаев И. П.** Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань, 1982.
6. **Кирьяков В. В.** Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902.
7. **Колотуша В. В.** Силовое принуждение: сущность, структура, тенденции: монография. Голицыно: ГПИ ФСБ России, 2008.
8. **Манькин-Невструев А. И.** Завоеватели Восточной Сибири. Якутские казаки: очерк. М., 1883.
9. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. М.: Политиздат, 1962. Т. 27.
10. **Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления** / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998.
11. **Платонов С. Ф.** Иноземцы на Русском Севере в XVI-XVII вв. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922.
12. **Радиков И. В.** Безопасность как приоритетный национальный интерес российского государства: уроки истории // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI в.: мат-лы всерос. науч.-обществ. конф. (19 сентября 2012 г., г. Великий Новгород). М.: Научный эксперт, 2013.
13. **Сибирь в составе Российской империи** / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнёв. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
14. **Симбирцев И.** Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и её преемники. 1718-1825. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
15. **Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. Книга первая с 1585 г. до 1742 г. М., 1838.
16. **Титов А.** Сибирь в XVII веке: сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.
17. **Якунин В. И.** 1150-летие российской государственности: исторические традиции и вызовы XXI века // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века: мат-лы всерос. науч.-обществ. конф. (19 сентября 2012 г., г. Великий Новгород). М.: Научный эксперт, 2013.

HISTORICAL EXPERIENCE OF ENSURING STATE SECURITY OF RUSSIA IN POLY-ETHNIC BORDER AREAS OF VOLGA REGION AND SIBERIA

Kristalinskii Leonid Borisovich, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
National Institute of Business in Moscow
kris-leon@hotmail.com

In the article the political practice of the realization of state security interests in the border area of Volga region and Siberia annexed to Russia is considered from the retrospective point of view. Attention is drawn to taking into account border area poly-ethnicity as a factor of political decisions making and the formation of the specific methods of the mentioned territories administration.

Key words and phrases: ethnic policy; border area; state security; security threats; poly-ethnicity; ethnic-political factor.